

Корейские земледельцы в России: 100 лет повседневного сопротивления

Наталья Петровна Рыжова
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия;
Университет Палацкого, Оломоуц, Чехия, n.p.ryzhova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена практикам рутинного (ненаправленного на смену власти) сопротивления российских корейцев в имперской России, раннем и позднем СССР. Автор следует научной программе, заложенной Дж. Скоттом, но при этом отказывается от его идеи о последовательности государства. Работа демонстрирует, как неформальные экономические практики корё сарам (кобонди, базарная торговля, производство "корейских салатов") были связаны с другими формами ненаправленного сопротивления. Парадоксальной "другой формой", в советское время стал ударный труд, который удивительным образом сочетался с неизменным использованием традиционных корейских практик обработки земли (бюрократы для его обозначения часто использовали термин "азиатский способ (техники)"). Статья разделена на две части, в первой части обсуждается как российские имперские чиновники, военные, агрономы относились к азиатским аграрным техникам, а также предпринята попытка ответить на вопрос, был ли имперский российский Дальний Восток скоттовской "Зомией" для корейцев. Работа опирается на архивные источники, публикации о корё сарам, собственные полевые материалы автора.

Ключевые слова: *российские корейцы (корё сарам), рутинное сопротивление, неформальная экономика (кобонди, базары), традиционные знания (Nongsa chiksol, ферментация), советская соевая революция, соевые бобы*

Для цитирования: Рыжова Н. П. Корейские земледельцы в России: 100 лет повседневного сопротивления // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 25–35. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/25-35>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/25-35>

Koryo Saram in Agriculture: 100 Years of Everyday Resistance

Natalia P. Ryzhova
Institute for Economic Research, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia;
Palacký University, Olomouc, Czech Republic, n.p.ryzhova@gmail.com

Abstract. The article examines the routine/everyday resistance practices of Koryo Saram in imperial Russia, early and late Soviet Union. The author follows the paradigm proposed by J. Scott while rejecting his idea of the coherence of the state. In so doing, the author demonstrates how informal economic practices of Koryo Saram (gobonji, bazaar trade, production of "Korean salads") were linked to other forms of everyday resistance. The paradoxical "other form," in Soviet times, was shock labor, which was surprisingly combined with the persistent use of traditional Korean land cultivation practices (bureaucrats used the term "Asian mode of production"). The article is divided into two parts; the first one discusses how Russian imperial officials, military officers, and agronomists treated Asian agrarian techniques, and attempts to answer the question of whether the imperial Russian Far East was Scott's "Zomia" for Koreans. The paper is based on archival data, academic and journalist publications on Koryo Saram, and the author's field data.

Key words: *Russian Koreans (Koryo Saram), routine/everyday resistance, informal economy (gobonji, bazaars), traditional knowledge (Nongsa chiksol, fermentation), soviet soybean revolution, soybeans*

For citation: Ryzhova N.P. Koryo Saram in Agriculture: 100 Years of Everyday Resistance // Ojkumena. Regional researches. 2023. № 3. P. 12–35. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/25-35>

В 2019 г, проводя очередное исследование неформальных экономических практик в сельском хозяйстве Амурской области [40], я задалась вопросом, как соя появилась на левом берегу Амура. Этот интерес привел к "советской соевой революции" 1930-х гг. По своему масштабу она была сопоставима с Хрущевской кампанией по интродукции гибридной кукурузы. Эксперименты с соей проводились от Владивостока до Мариуполя, от Пишкеека до Ленинграда; в Москве был учрежден Институт сои и спецкультур. Более тридцати институтов занимались соевой тематикой. Заводы в Москве и Ленинграде выпускали соевый сыр, молоко, йогурт, колбасу и еще десятки наименований соевых или сое-содержащих продуктов. Л. Кассиль участвовал в пропаганде "яичницы без яиц", а Ильф и Петров иронизировали над соевой модой [41].

Эта забытая кампания была парадоксально связана с российскими корейцами. И не потому, что соевые соус и паста являются важными ингредиентами корейской кухни, и не потому, что корейцы (китайцы и маньчжуры)¹

¹ Употребляя термины "китайцы", "русские", "корейцы", "маньчжуры", я следую скорее бюрократическому языку описания разных групп, что определяется источниками данных (архивы и научные статьи), на материалах которых подготовлена эта статья.

познакомили с этой культурой дальневосточных переселенцев. А потому, что в 1930-х гг. приморские корейские колхозы были единственными заметными производителями сои. Устойчивое наращивание объемов и почти индустриальные масштабы производства не предотвратили депортацию корейцев. Депортация и провал "соевой революции" (провал здесь означает реализацию в виде столь далеком от изначального плана, что узнать этот план невозможно) почти совпали по времени. Конечно, у провала было много причин, но все же действия советских властей в отношении корейцев выглядят нелогичными. Инвестируя огромные ресурсы в интродукцию новой культуры, в создание технологий и мощностей по ее переработке, тратя валюту на закупку семян, власти легко пожертвовали реальным производством (и производителями) сырья. *В поисках логики этой загадки можно допустить, что государственное насилие было обосновано желанием создать условия для интродукции сои в Центральной Азии. Иначе говоря, можно предположить, что соя, как и рис, внесла вклад в решение о депортации.*

Изучая, что произошло с производителями сои на новой родине, я выявила еще один "пазл": корейцы вернулись к ее производству *не столько в рамках государственных планов, сколько за их пределами.* А со временем соя стала неотъемлемым и специфическим ингредиентом особой – *параллельной/ неформальной – экономической деятельности:* речь о торговле "корейскими салатами". Помимо этой торговли, *корейцы сформировали и другие неформальные, этнические специфичные, но связанные с сельским хозяйством практики и ниши.*

Эти загадки отделены друг от друга как минимум парой десятилетий, поэтому гипотеза о том, что планы по интродукции сои привели к депортации корейцев, а депортация породила неформальные экономические практики и даже привела к закреплению этнических ниш в параллельной советской экономике, хоть и возможна, но ее проверка требует реконструкции и объяснения серии событий.

Вообще для экономических социологов является уже трюизмом понимание того, что *неформально-экономические практики как часть рутинного* (т.е. не направленного на смену власти) сопротивления часто возникают в ответ на государственное насилие (чрезмерные налоги, барьеры, запреты и прочие попытки повлиять на экономическую активность) [19, с. 45]. Что не столь очевидно – как это происходит. К какому конкретно сопротивлению ведет насильственное действие, как разные сопротивления накладываются и переписывают друг друга, как формируются устойчивые институциональные цепочки, закрепляются неформальные практики, выделяются отдельные этнические ниши, и являются ли они на самом деле этническими. Иначе говоря, не очевидно, как неформальные экономические практики связаны – если вообще – с прочими видами рутинного сопротивления?

Таким образом, цель данной статьи двояка – проверить гипотезу и рассмотреть связь неформальных практик с прочими видами рутинного сопротивления государственному насилию.

Структурно статья состоит из четырех разделов (два представлены в этом номере и два – в следующем). В первом я объясняю используемые теоретические рамки. Во втором – рассматриваю разнообразие рутинного сопротивления корейцев в имперской России и отвечаю на вопрос, был ли российский имперский Дальний Восток Зомией для корейцев. В третьем, рассматривая государственную машину как совокупность агентств, организаций и разных повесток, я показываю репертуар рутинного сопротивления корейцам в ранний советский период. В четвертом, анализируя перепутанность поведения властвующих и подвластных, я объясняю, как сформировалась устойчивая корейская ниша в параллельной экономике позднего советского периода.

В качестве эмпирической базы в работе использованы научные публикации, архивные данные, публицистика, полевые материалы автора (транскрипты глубинных интервью с корейцами, записанные в Хабаровске, Владивостоке, Санкт-Петербурге и Алматы), а также материалы сети интернет (включая материалы медиа-группы "Российские корейцы", и др.).

Сопrotивление (корейских) крестьян: возможности объяснения по Скотту

В литературе не раз обсуждалось, как корейцы появились в Российской империи – люди убегали от малоземелья и голода [3; 12; 17 и др.]. Начав переселяться – а не спорадически выходить – за реку Туманган в 1860-х, корейцы получали землю, но не права на нее и попадали под "защиту" [17; 20], а фактически надзор военных, прибывших защищать новые имперские владения [38]. В корейцах увидели полезных крестьян, которые будут снабжать (прежде всего) армию продовольствием [3]. Спустя десять лет, руководствуясь представлениями о безопасности, российские чиновники начали перемещать корейские семьи подальше от границы [16; 31]. Так появилось Благословенное – одно из наиболее описанных в литературе корейских сел [12; 27; 37]. Ему посвящено едва ли меньше работ, чем корейскому земельному вопросу и коллективизации в раннем СССР [10; 14; 16 и др.]. О последующей за постреволюционными реформами депортации 1937 г опубликовано, кажется больше всего работ [9; 16; 25 и др.]. Гипотеза о роли риса в депортации обсуждается часто [10; 36 и др.], о роли сои никогда; "рисовая гипотеза" не является основной. В советское время историки относительно часто писали о быстрой адаптации к новым условиям в Центральной Азии, точнее – о "социалистических успехах" в деле колхозного строительства, конкретно рисоводства [2; 7]. К сожалению, опубликовано очень мало работ о повседневной жизни корейцев в центральноазиатских селах в 1950–1980 гг. [5; 6, с. 312–335]. Опубликованные после распада СССР работы о присутствии корейцев в сельском хозяйстве Центральной Азии лишь отчасти закрывают этот пробел [8; 9 и др.].

Значительное количество процитированных выше и других работ посвящено тому, как и почему *действовало государство*, ограничивая корейцев в правах на землю, лишая их свободы перемещения за пределы совхозов/колхозов, отбирая все имущество или насильственно переселяя с освоенной земли. *Сопrotивление корейцев этому насилью*, напротив, крайне редко обсуждалось в литературе [15, с. 231–232; 29]. Но означает ли такое умолчание, что данный вопрос плохо освещен в литературе или что люди не пытались сопротивляться? Если советское государство действительно решило отправить их на освоение казахстанских степей для производства там, в частности, сои, почему корейцы не сопротивлялись или, возможно, как раз сопротивлялись, и с этом связан провал соевой революции?

Наиболее последовательно тема сопротивления крестьян разработана в работах Дж. Скотта [42; 43; 44; 45]. Антрополог показал, что в отличие от марксистских ожиданий, в реальности крестьяне выбирают ненаправленное на смену власти, т.н. рутинное или повседневное сопротивление. По Скотту, наиболее яркое отличие повседневного сопротивления от других форм "заключается в неявном отказе от публичных и символических целей... повседневное сопротивление неформально, часто скрыто и нацелено в основном на сиюминутные достижения" [45, с. 29].

Оно предполагает мелкий саботаж, кражи, порчу имущества, распространение слухов [44; 45]. Такое сопротивление "не имеет ни формальной организации, ни формальных лидеров, ни манифестов, ни взносов, ни названия, ни знамени" [45, с. 35]. Согласно Скотту, люди вообще, а крестьяне особенно склонны к применению метисных повседневных практик, которые не преследуют цель отменить государственную инициативу, но изменяют ее до неузнаваемости [42]. Наконец, он показал, что горные жители и вовсе избирают вариант физического побега от государства [43]. В книге о Зомии Скотт утверждает, что горные жители стремились "держать государство на расстоянии", их эгалитарные институциональные и культурные формы рассматриваются им не как маргинализация, но "как политический выбор" [43, с. 7–9, 157, 179, 183, 187]. Книга вызвала жесткую критику оппонентов: они увидели в работе популизм, воспевающий терпеливую адаптацию к давлению колониализма, капитализма и государства [48].

Моя критика Зомии Скотта лежит в иной плоскости. Применяя концепт Зомии, Скотт и другие авторы [34; 46] конструируют последнее как последовательную и согласованную "машину насилия". Мне же представляется обоснованным призыв П. Абрамса [26] "демистифицировать государство" и убедительными усилия ряда антропологов увидеть вместо государства как "онтологической реальности" запутанную комбинацию практик, агентств, идей и

фантазий. А. Гупта [32], изучая практики низшего уровня бюрократического аппарата в Индии и способы репрезентации государства в СМИ, пришел к заключению, что вместо того, чтобы взять понятие государства за отправную точку, "мы должны оставить открытым вопрос по поводу условий, при которых государство функционирует как единое и связанное целое" [32, с. 376]. Проведенный Гуптой анализ показывает, насколько несостоятельна централизованная – европейская – концептуализация, противопоставляющая государство и гражданское общество. Дихотомия сотрудничества и сопротивления также не имеет смысла: реальные взаимодействия всегда сложнее, ибо агентства, организации, повестки и центры не находятся ни строго за пределами, ни строго внутри государства – они запутанны.

Таким образом, изучая поведение корейцев в ответ на постоянное насилие государства, я принимаю идеи Скотта, но при этом следую призыву Абрамса демистифицировать государство. Иначе говоря, в таком прочтении подчиненные и господствующие не противопоставлены друг другу в бинарной логике, но существуют в беспшовной, разнообразной паутине и не создают "сплошной фаланги жертв" [45, с. 265]. Забегая вперед, такое прочтение позволяет понять, что деревенский староста или председатель колхоза одновременно и господствует, и подчиняется. Благодаря этому не происходит организованного сопротивления, неизнаваемо меняются наиболее отторгаемые государственные инициативы и формируются масштабные распределенные феномены, такие как неформальная/ параллельная советская экономика.

Имперский Дальний Восток² – "Зомия" для корейских крестьян?

Из-за изоляционистской политики государства Чосон, запрещающей переселение корейцев за реку Туманган [38] и запрета Цинских императоров на переселение ханьцев [28], северо-восточная часть Маньчжурии оказалась к середине XIX в. относительно "пустым", буферным пространством. Можно ли это пространство осмыслить в духе Зомии, а побег корейцев как тактики сопротивления? Такая гипотеза может возникнуть, если вспомнить, что некоторые корейские семьи совершали такие "побеги" по несколько раз между царской Россией и Маньчжурией [38, с. 2]. Однако горцы в Зомии Скотта не просто убежали, а находили способы, как удерживать государство на "растопыренной вытянутой руке" (не пересекаться с ним). Могли ли корейцы также избегать подобных пересечений?

В российской литературе попытка интерпретировать Дальний Восток как Зомию уже была предпринята. Ее авторы увидели в этом концепте "метафору особого типа повседневности" [1, с. 150]. Л. Бляхер и М. Бляхер описывают поведение крестьян (почти, впрочем, не обращая внимания на корейцев) в терминах неповиновения бюрократическому надзору. Они утверждают, что крестьяне сопротивлялись формальным законам и положениям, нормам по уплате налогов, владения землей и т.п. Представляется, что такое прочтение отражает разделяемый авторами мистический образ государства, "Левиафана" (многократно используемая в работе метафора), который стремится всё контролировать.

Я утверждаю, что Бляхеры в этой работе не отвечают на два критически важных вопроса, что снижает значимость их выводов. Во-первых, действительно ли имперское государство было последовательной и слаженной "машиной", которая видела контроль над людьми и/или налогами как единую/ главную цель? И, во-вторых, существовала ли у корейских крестьян одна – в смысле последовательная, но не одна на всех – логика, когда они соотносили свою повседневную жизнь с государством, да и какое государство они воображали в условиях удаленности от политических центров и прозрачных границ?

На первый вопрос историки давали ответ неоднократно. Так, Б. Пак и Н. Бугай, ссылаясь на сохранившуюся в архивах переписку, указывают, что фактические решения о поселении корейцев в 1860-х на вновь приобретенных российских землях, были децентрализованными и могли зависеть от мелких военных чиновников [16, с. 19]. Военный губернатор Приморской области

² Этот регион, приобретенный Россией после подписания Айгуньского и Пекинского договоров, в документах обозначался как Восточная Сибирь, позднее – Приамурье, и наконец с началом XX в. Дальним Востоком.

Казакевич, будучи проинформированным о решении, принятым поручиком Резановым, с задержкой в полгода, не высказал озабоченности и лишь рекомендовал "внушить туземцам, что живя в наших пределах, они пользуются покровительством и защитой русских законов наравне со всеми русскими..." [16, с. 21]. Следует ли даже упоминать, что и этот совет опирался на представления самого Казакевича, а не на сложившиеся формальные государственные институты?

О том, что агенты и организации вместе с меняющимися повестками и личными пристрастиями подменяли такие институты, так или иначе упоминали многие авторы [18; 31]. Т. Позняк обсуждает, что только смерть не дала Приамурскому генерал-губернатору барону Корфу закончить начатую им политику сселения корейцев "второй категории" с обустроенных ими участков земли. Сразу после его смерти политика либерализовалась – сменивший его "генерал-лейтенант Духовской положительно отзывался о корейцах как земледельцах", а следующий генерал-губернатор Гродеков пересмотрел решения Корфа [18, с. 67–68].

С. Глебов, распутывая историю подданства (а значит и прав) корейских крестьян на землю, выделяет четыре фактора, которые несколько раз в промежутке между 1860-ми и 1917 гг. переопределяли политику и практики в отношении корейцев: 1) пространственная концентрация в стратегическом пограничном районе; 2) аннексия Корейского полуострова Японией, которая превратила российских корейцев в население с внешней и воспринимаемой как опасная родиной; 3) рационализация имперской администрацией человеческого разнообразия в терминах расы при наличии конкурирующих репертуаров (сословие и вероисповедание); 4) путаные планы по заселению российского Дальнего Востока и процессу его русификации [31]. Эти четыре фактора, конечно, отвергают идею о (налоговой) подконтрольности как единственной/главной цели империи на Дальнем Востоке в начальный период его заселения. И, наоборот, демонстрируют, что никакого единого Левиафана, от которого могли бы прятаться крестьяне, на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. не было.

Ответ на второй вопрос – по отношению к какому государству позиционировали себя корейские крестьяне – дать, конечно, сложнее. Логика корейских (любых других) крестьян могла быть направлена не на избегание российского государства, а на выстраивание сетей обхода проникающей, русифицирующей политической и коммерческой власти нескольких государств. Такую – одновременно дополняющую и оспаривающую Скотта оптику – предложил Ч. Гирш: "я утверждаю, что члены таких групп... вовлечены в непрерывный процесс одновременного позиционирования себя ... по отношению к множеству национальных государств... даже когда они принимали статус данников или меняли свои культурные обычаи, чтобы подражать группам равнинных жителей" [30].

Торговля опиумом на рубеже XIX – XX вв. является очевидным кейсом, который может выявить работу трансграничных сетей и избегание включенных в них акторов нескольких государств. Напомню, что эта торговля расценивалась как опасная по разным причинам и российскими, и китайскими властями – и те, и другие пытались с ней бороться [47]. Корейские крестьяне, которые производили и продавали опиумный мак [39], были включены в сети, связывающие вместе людей и места и создающие Зомию как трансграничное пространство, подобное тому, которое описывает Гирш.

Впрочем, производство опиумного мака может расцениваться как прибежище единиц, и тогда справедлив вопрос – при чем тут повседневное поведение/сопротивление корейских крестьян как группы. Из имеющихся данных сложно оценить, насколько опиумный мак был распространенной агрокультурой у корейцев. Благословенное, видимо, переключилось на опиум к 1914 г. [27]; на это указывают и отсутствие мака в статистических данных 1910 г. [23]. Но утверждать, что опиум (не) выращивался ранее, в других локальностях, (не) прятался от глаз переписчиков на лесных заимках, (не) был повседневностью многих корейских крестьян, невозможно – для этого нет данных.

Поэтому вместо практик, формировавшихся вокруг производства и продажи опиума, я обращаю внимание на менее очевидные, но более значимые типы сопротивлений, а именно: на практики неформальной аренды земли,

производство традиционных корейских агрокультур и использованные традиционные техник земледелия. Именно этот "набор" оставался устойчивым вне зависимости от представлений российской администрации о более правильных, русских, выгодных способах ведения хозяйства.

Начну с общеизвестного факта, что корейцы были основными *неформальными арендаторами* земли [11; 14]. Причина корейской экономической активности вне (меняющихся) легальных норм кроется в действиях непоследовательного государственного аппарата (см. статью Цихаус в этом номере). В работе А. Киреева подробно описана динамика этого процесса – категоризация корейцев с требованием ко второй и третьей категории покинуть страну была в основном проигнорирована. Все последующие запреты приводили только к расширению неформальной аренды: "при попустительстве многих станичных и поселковых атаманов казачье население саботировало борьбу с "желтым трудом" [11, с. 82], я добавлю, что корейское население саботировало предписание покинуть Россию.

Не только неформальная аренда была частью рутинного сопротивления, но и *выбор культур для производства*. Корейцы буквально с первого дня воспринимались представителями имперской администрации как "полезные крестьяне", которые будут успешно заниматься садоводством и сельским хозяйством и своим трудолюбием вносить вклад в дело колонизации края [3]. При этом ожидалось, что они будут производить те культуры (рожь, ярицу и овес), которые знакомы и востребованы российскими поселенцами, а вероятно, более всего военным интендантством [13, док. 1]. Корейцы действительно производили такие культуры, но они, видимо, никогда не занимали в структуре 100%. Оставляя традиционные культуры, они, полагаю, имели в виду необходимость защиты своих семей от голода. Подтверждением этой гипотезы является динамика нерыночных/ традиционных культур в производстве.

Только в самые первые годы пребывания корейцы возделывали культуры исключительно для собственного потребления – буду, сою, овощи незнакомые русскому крестьянину [3], впоследствии ситуация менялась. К 1900 г., а тем более к 1910 г. в структуре производства доминировали рыночные культуры. В 1910 г. в с. Благодословенное было проведено подробное статистическое описание: на торгуемые культуры – овес, пшеницу и т.п. – приходилось более 70% всех выращиваемых культур, а на "ненужные" рынку культуры, составляющие основу культурно специфичного питания, приходилось около 30% [23]. Но всего через 4 года и далее вплоть до 1920 г корейцы отказались от производства рыночных культур в пользу традиционных. Впервые на перекладке на анти-рыночное производство обратили внимание Демьяненко и Фролов [27], позднее с ними согласился Кинг [37], указав, впрочем, что авторы не объяснили этот факт. Полагаю, что объяснением возврата к производству нерыночных культур может быть скрытое сопротивление: вначале государственным, а затем и прочим изъятиям.

Вне зависимости от реальной структуры корейского агропроизводства чиновники выражали недовольство ею. Есть основания полагать, что оно было инструментальным и связанным с подозрениями в их недостаточной ассимиляции. В "Журнале особого совещания по проверке семейных списков корейцев, принявших русское подданство и переписке Приамурского генерал-губернатора и Войскового правления Амурского Казачьего войска" содержится доклад, в котором чиновники констатируют наличие изб на русский манер, использование русской одежды и русской утвари (см. также [17]), хороший уход за растениями (прополку и очистку от сорных трав), хорошие урожаи, дающие возможность "сплавлять овес на продажу в Хабаровск" (РГИА ДВ Ф. 704. Оп. 4. Д. 1991. Л. 956)³. И там же они огорчаются по поводу того, что "занимаясь земледелием с успехом, корейцы тем не менее возделывают более те растения, которые высевали на родине и не особенно стараются вводить в севооборот растения, могущие принести большой доход" (РГИА ДВ Ф. 704. Оп. 4. Д. 1991. Л. 956). Доход у чиновников, очевидно, ассоциировался с интендантскими закупками, а корейцы, вероятно, больше ориентировались на ликвидные рынки, но не забывали производить продукты, которые нужны не рынку (и интендантству), а дому.

³ РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

Самым устойчивым в корейском хозяйстве были не культуры, а *техники обработки земли*. Они же оставались, кажется, самым неприемлемым для чиновников отличием корейских крестьян. В 1875 г. Вагин пишет, что корейские фермерские техники вообще не похожи на наши – они используют коров вместо лошадей, выращивают бобы, из которых делают масло, а также боду, которая русскому крестьянину не знакома. В "Журнале особого совещания..." содержится записка есаула Волькенау, в которой он сообщает, что корейские крестьяне ведут "свое хозяйство по приемам мало похожим на соседей казаков", предпочитают рядовую и огородную культуру (вместо пропашной) (РГИА ДВ Ф. 704. Оп. 4. Д. 1991. Л. 726).

Все описываемые российскими чиновниками техники четко согласуются с "Кратким руководством по земледелию (Nongsa chiksöl)" [35]. Руководство использовалось в государстве Чосон в качестве практического наставления крестьянам в течение 500 лет: тут и коровы вместо коней, и соевые бобы в качестве сидерата, и грядковая культура на сухом поле. Наставления были введены для улучшения практического земледелия и через это – собираемости налогов. Они использовались корейскими крестьянами на протяжении 500 лет вплоть до того, как японские власти начали насаждать монокультурное рисоводство [33].

Следование традиционному опыту, даже если он находится в согласии с административными наставлениями страны исхода, едва ли можно трактовать как подчинение или лояльность правительству покинутой родины, или прямое сопротивление правительству страны вселения. Скорее это – инструментальный выбор важнейших практик, обеспечивающих привычную реальность, включая практики питания, а значит, выживания. Следование этим традиционным практикам, однако часто раздражало российских чиновников или как минимум оценивалось ими негативно. Они отмечали, что корейцы меняют свои культурные обычаи, используя русскую утварь, даже строя русские избы и формально соглашаясь на переход в христианство (РГИА ДВ Ф. 704. Оп. 4. Д. 1991. Л. 966), однако не изменяют способам возделывания земли.

Даже когда агрономы обращались за корейским опытом – как это сделал, например, Рубинский после провала своего массового соевого эксперимента в Амурской области – и получали подробные инструкции, они указывали на отсталость и бессмысленность грядкового способа земледелия для русских крестьян: "нелепо, конечно, вводить описанную выше знаменитую грядковую культуру... имеющую, по моему крайнему разумению, оправдание своего здесь существования в необычайной косности населения, его полной нищете и вытекающей отсюда убогости инвентаря" [21, с. 31]. В корейском земледелии Рубинский увидел "полное рабство у земли: там незаметно признаков желания покорять природу теми средствами, которые дает современная наука, знание, техника, преклоняться перед такой культурой нам, имеющим в Амурской области 25 млн целинных земель не приходится" [21, с. 31].

Агрономы и чиновники постоянно стремились доказать превосходство "современных" (российских) над "отсталыми" (корейскими) способами возделывания земли [22]. Уже в 1900 г. на экспериментальном поле под Хабаровском агрономы хотели провести сравнительную оценку разных систем земледелия – в опыте участвовали клинья с "посевом осенью под зиму", "обыкновенным переселенческим хозяйством", "корейским хозяйством" и "рациональным хозяйством с севооборотом". Судя по отчету, корейский клин едва ли возделывался в соответствии с Nongsa chiksöl, на нем были получены одни из самых неудачных результатов как по всходам, так и по вызреванию семян [4].

Эта предвзятость и высокомерие приобретет особый размах в советское время и, как я покажу далее, станет одной из причин легкого отказа советского руководства от "отсталого" способа производства сои. Иначе говоря, я далее покажу, что переселение корейцев в Казахстан не было сопряжено с централизованными и продуманными попытками использовать их опыт для реализации соевой революции.

Подводя итог и возвращаясь к поставленному в начале раздела вопросу, отмечу, что российский имперский Дальний Восток не был Зомией по Скотту; точно не для корейцев. Во-первых, их экономическая деятельность, как и неопределенный статус подданства/гражданства приводили к постоянному

взаимодействию с представителями государства, что исключено в концепции Зомии. И во-вторых, государство при этом не было похожим на последовательную – как у Скотта – машину насилия и контроля. Это, впрочем, не отменяет того факта, что корейцы были включены в производство товаров или в торговлю товарами трансграничного спроса, а трансграничная торговля и не только опиумом, но и соей была организована так, чтобы избежать проникающей и распространяющейся, но все еще слабой политической и коммерческой государственной власти. То есть я признаю существование на имперском Дальнем Востоке Зомии по Гиршу, но не на всей территории, а в пространстве формирующихся границ, где все участники торговли вынуждены были позиционировать себя по отношению не к одному, но как минимум двум государствам и по возможности их избегать. Наконец, рутинное сопротивление характерно отнюдь не только для горцев и/или торговцев Зомии, но и для "равнинных" крестьян. Важнейший инструментальный выбор (чему сопротивляться почти любой ценой, от чего отказаться, как притвориться), который сопровождает повседневное сопротивление, видимо, состоял для корейского крестьянства не в том, какую одежду носить или какой дом построить, а в том, что и как производить в поле. Как я покажу далее, эта приверженность к использованию традиционных агротехник была очень устойчивой и существовала на протяжении большей части советского периода. Именно ее я отношу к рутинному сопротивлению. Конечно, это сопротивление не было направлено против Российского государства, но определенно реализовывалось *вопреки пожеланиям, представлениям и фантазиям российских чиновников, военных и агрономов.*

(окончание следует)

Литература

1. Бляхер Л.Е., Бляхер М.Л. Зомия на Амуре, или Государственный порядок против порядка вне государства // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* 2018. № 1 (88). С. 148–171.
2. Брезинский В. Колхоз на подъеме (Из опыта работы колхоза "18 лет Казахстана", где председателем Кан Де Хан). Алма-Ата. 1969, 54 с.
3. Вагин В.И. Корейцы на Амуре // *Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах.* 1875. № 1. С. 1–29.
4. Гагин С. Отчет по Хабаровскому опытному полю за 1900 год, Хабаровск, 1901.
5. Джарылгасинова Р.Ш. Новое в культуре и быту корейцев Средней Азии и Казахстана // *Советская этнография.* 1977. № 6. С. 59–70.
6. Ионова Ю.В. Этнография Кореи. Российское корееведение в прошлом и настоящем. М.: Первое марта, 2011.
7. Исаков Ф., Ким М. Люди счастливой судьбы (О тружениках колхоза "Полярная звезда"). Ташкент, 1972.
8. Кан Г.В. История корейцев Казахстана. Алматы, 1996.
9. Ким Г.Н. Избранные труды по корееведению. Алматы, 2013. 775 с.
10. Ким Г.Н. Социально-культурное развитие корейцев Казахстана: Научно-аналитический обзор. Алма-Ата, 1989.
11. Киреев А.А. Корейские иммигранты и казачество на российском Дальнем Востоке: факторы и динамика взаимодействия (вторая половина XIX – первая треть XX в.) // *Вестник ДВО РАН.* 2008. № 5. С. 78–86.
12. Кириллов А. Корейцы села Благословенного. Историко-этнографический очерк. Приамурские ведомости. 1895. № 58–59.
13. Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX – нач. XX вв.). Документы и материалы Владивосток: Росархив, РГИА ДВ, 2004.
14. Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Деревня Дальнего Востока в 20–30-е гг. XX века: Коллективизация и ее последствия. Вл-к: Дальнаука, 2004.
15. Пак Б.Д. Корейцы в Советской России. Ирк-кий гос. пед. ин-т, 1995.
16. Пак Б.Д., Бугай Н.Ф. 140 лет в России: очерк истории российских корейцев. ИВ РАН, 2004. 462 с.
17. Песочкий В. Корейский вопрос в Приамурье. Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Т.ХI, Хабаровск, 1913, 188 с.
18. Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX-начало XX в.). Влад-к: Дальнаука, 2004. 316 с.
19. Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы // *Экономическая социология.* 2003. № 5. С. 34–54.

20. Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1889. СПб., 1870.
21. Рубинский В.А. Отчет о произведенных в 1915 г. Амурской агрономической организацией опытах по культуре маслиничной сои в условиях Амурской обл. Благовещенск: Тип. Хворова, 1916.
22. Смирнов Е.Т. Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г. в гор. Хабаровске. Хабаровск, 1899.
23. Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. 2, т. 1. (Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области). СПб., 1912–1913.
24. Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. 5: (Колонизационное значение земледелия в Приамурье). СПб, 1911. 142 с.
25. Хан В.С. Корё сарам: Кто мы? Очерки истории корейцев. Бишкек, 2009.
26. Abrams P. Notes on the Difficulty of Studying the State (1977) // *Journal of Historical Sociology*. 1988. № 1 (1). P. 58–89.
27. Dem'yanenko A.N., Frolov I.V. The experience of Korean colonization in the present Jewish Autonomous Oblast, 1871–1927 // *Post-Soviet Geography*. 1992. № 33 (3). P. 180–188.
28. Elliott M.C. The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies // *The Journal of Asian Studies*. 2000. № 3 (59). P. 603–646.
29. Gelb M. An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // *The Russian Review*. 1995. № 3 (54). P. 389–412.
30. Giersch C.P. Across Zomia with merchants, monks, and musk: process geographies, trade networks, and the Inner-East–Southeast Asian borderlands // *Journal of Global History*. 2010. № 2 (5). P. 215–239.
31. Glebov S. Exceptional Subjects: Koreans, Settler Colonialism, and Imperial Subjecthood in the Russian Far East, 1860s–1917 // *Nationalities Papers*. 2021. № 6 (49). P. 1065–1081.
32. Gupta A. Blurred Boundaries: The Discourse of Corruption, the Culture of Politics, and the Imagined State // *American Ethnologist*. 1995. № 2 (22). P. 375–402.
33. Ho J.S., Gamarra E.R. A Story of Globally Important Agricultural Wisdom in the 15th Century Chosŏn Korea // *Anthropol*. 2018. № 202 (6).
34. Jonsson H. Above and Beyond: Zomia and the Ethnographic Challenge off/for Regional History // *History and Anthropology*. 2010. № 2 (21). P. 191–212.
35. Jun S.H. *Agriculture and Korean Economic History: Concise Farming Talk (Nongsa chikso)*. Springer Singapore; Palgrave Macmillan, 2019. 236 p.
36. Kho S. *Koreans in Soviet Central Asia*. Helsinki, 1987. 262 p.
37. King R. Blagoslovennoe: Korean Village on the Amur, 1897–1937 // *Review of Korean Studies*. 2001. № 4(2), P. 133–176.
38. Park A.M. *Sovereignty Experiments: Korean Migrants and the Building of Borders in Northeast Asia, 1860–1945*. Ithaca, New York: Cornell Un-ty Press, 2019. 306 p.
39. Pianciola N. Opium Regimes of Imperial Collapse: The Russian Far East during the Civil War (1917–1922) // *Ab Imperio*. 2021. № 3. P. 111–135.
40. Ryzhova N. Cows, Moonshine, Pheasants... versus Soybeans // *Inner Asia*. 2022. № 1 (24). P. 53–73.
41. Ryzhova N. The Failure of the "Soybean Revolution" in the USSR // *Ab Imperio*. 2022. № 1. P. 191–222.
42. Scott J.C. *Seeing like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven, Conn.: Yale Un-ty Press, 1999. 464 p.
43. Scott J.C. *The art of not being governed: an anarchist history of upland Southeast Asia*. New Haven: Yale Un-ty Press, 2009. 442 p.
44. Scott J.C. *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven: Yale Un-ty Press, 1977. 254 p.
45. Scott J.C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven: Yale Un-ty Press, 1987. 392 p.
46. Shneiderman S. Are the Central Himalayas in Zomia? Some scholarly and political considerations across time and space // *Journal of Global History*. 2010. № 2 (5). P. 289–312.
47. Sorokina T. Liquor and Opium: Joint Efforts to Control Contraband Along the Russia–China Border at the Beginning of the Twentieth Century // *Inner Asia*. 2014. № 1 (16). P. 139–151.
48. Subrahmanyam S. The View from the Top // *London Review of Books*. 2010. № 32 (23). URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v32/n23/sanjay-subrahmanyam/the-view-from-the-top>. (дата обращения: 04.07.2-23.).

References

1. Blyakher L.E., Blyakher M.L. Zomia on the Amur, or State order against the order outside the state // *Politiya: Analyses. Chronicle. Prognosis*. 2018. № 1 (88). P. 148–171.
2. Brezinsky V. Kolkhoz on the rise (From the experience of the collective farm "18 Years of Kazakhstan", where Kang De Han is the chairman). Alma-Ata. 1969, 54 p.
3. Vagin V.I. Koreans on the Amur // *Collection of historical and statistical information about Siberia and neighbouring countries*. 1875. № 1. С. 1–29.
4. Gagin S. Report on Khabarovsk experimental field for 1900, Khabarovsk, 1901.
5. Jarylgasinoва R.Sh. New in the culture and life of Koreans of Central Asia and Kazakhstan // *Soviet Ethnography*. 1977. № 6. С. 59–70.
6. Ionova Y.V. *Ethnography of Korea. Russian Korean studies in the past and present*. Moscow: First March, 2011.
7. Iskhakov F., Kim M. People of happy fate (About the workers of the collective farm "Polar Star"). Tashkent, 1972.
8. Kan G.V. *History of Koreans of Kazakhstan*. Almaty, 1996.
9. Kim G.N. *Selected works on Korean studies*. Almaty, 2013. 775 c.
10. Kim G.N. Socio-cultural development of Koreans in Kazakhstan: Scientific and analytical review. Alma-Ata, 1989.
11. Kireev, A.A. Korean immigrants and Cossacks in the Russian Far East: factors and dynamics of interaction (the second half of the XIX – the first third of the XX century) // *Vestnik DVO RAN*. 2008. № 5. С. 78–86.
12. Kirillov A. Koreans of the village Blagoslovennoy. Historical and ethnographic sketch // *Amur Affairs*. 1895. № 58-59.
13. Koreans in the Russian Far East (the second half of the 19th – early 20th centuries). Documents and Materials Vladivostok: Rosarkhiv, RGIA DV, 2004.
14. Lykova E.A., Proskurina L.I. Village of the Far East in the 20–30-ies of the XX century: Collectivisation and its consequences. VI-k: Dalnauka, 2004.
15. Pak B.D. Koreans in Soviet Russia. Irk State Pedagogical Institute, 1995.
16. Pak B.D., Bugai N.F. 140 Years in Russia: Sketch of the History of Russian Koreans. IV RAS, 2004. 462 c.
17. Pesotsky V. The Korean Question in Priamurye. Proceedings of the Amur expedition sent by the highest command. V.XI, Khabarovsk, 1913, 188 p.
18. Portes A. Informal economy and its paradoxes // *Economic Sociology*. 2003. № 5. С. 34–54.
19. Poznyak T.Z. Foreign subjects in the cities of the Russian Far East (the second half of the XIX-beginning of the XX century). VI-k: Dalnauka, 2004. 316 c.
20. Przhevalsky N. The journey to Ussuriyskiy kraj. 1867–1889. SPb: 1870.
21. Rubinsky V.A. Report on the 1915 experiments of the Amur agronomic organisation on the culture of oilseed soybean in the conditions of the Amur region. Blagoveshchensk: Tip. Khvorov, 1916.
22. Smirnov E.T. Priamursky Krai at the Amur-Primorsky exhibition of 1899 in Khabarovsk. Khabarovsk. Khabarovsk, 1899.
23. Proceedings of the Amur expedition sent by the highest command. Vol. 2, vol. 1. (Materials of statistical and economic survey of the Cossack and peasant economy of the Amur region). St. Petersburg, 1912–1913.
24. Proceedings of the Amur expedition sent by the highest command. Vol. 5: (Colonisation significance of agriculture in the Amur region). SPb, 1911. 142 c.
25. Khan V.S. Koryo Saram: Who are we? Essays on the History of Koreans. Bishkek, 2009.
26. Abrams P. Notes on the Difficulty of Studying the State (1977) // *Journal of Historical Sociology*. 1988. № 1 (1). P. 58–89.
27. Dem'yanenko A.N., Frolov I.V. The experience of Korean colonization in the present Jewish Autonomous Oblast, 1871–1927 // *Post-Soviet Geography*. 1992. №33 (3). P. 180–188.
28. Elliott M.C. The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies // *The Journal of Asian Studies*. 2000. № 3 (59). P. 603–646.
29. Gelb M. An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // *The Russian Review*. 1995. № 3 (54). P. 389–412.
30. Giersch C.P. Across Zomia with merchants, monks, and musk: process geographies, trade networks, and the Inner-East–Southeast Asian borderlands // *Journal of Global History*. 2010. № 2 (5). P. 215–239.
31. Glebov S. Exceptional Subjects: Koreans, Settler Colonialism, and Imperial Subjecthood in the Russian Far East, 1860s–1917 // *Nationalities Papers*. 2021. № 6 (49). P. 1065–1081.
32. Gupta A. Blurred Boundaries: The Discourse of Corruption, the Culture of Politics, and the Imagined State // *American Ethnologist*. 1995. № 2 (22). P. 375–402.
33. Ho J.S., Gamarra E.R. A Story of Globally Important Agricultural Wisdom in the 15th Century Chosŏn Korea // *Anthropol*. 2018. № 202 (6).

34. Jonsson H. Above and Beyond: Zomia and the Ethnographic Challenge of/for Regional History // *History and Anthropology*. 2010. № 2 (21). P. 191–212.
35. Jun S.H. *Agriculture and Korean Economic History: Concise Farming Talk (Nongsa chiksöl)*. Springer Singapore; Palgrave Macmillan, 2019. 236 p.
36. Kho S. Koreans in Soviet Central Asia. Helsinki, 1987. 262 p..
37. King R. Blagoslovennoe: Korean Village on the Amur, 1897–1937 // *Review of Korean Studies*. 2001. № 4(2), P. 133–176.
38. Park A.M. *Sovereignty Experiments: Korean Migrants and the Building of Borders in Northeast Asia, 1860–1945*. Ithaca, New York: Cornell Un-ty Press, 2019. 306 p.
39. Pianciola N. Opium Regimes of Imperial Collapse: The Russian Far East during the Civil War (1917–1922) // *Ab Imperio*. 2021. № 3. P. 111–135.
40. Ryzhova N. Cows, Moonshine, Pheasants... versus Soybeans // *Inner Asia*. 2022. № 1 (24). P. 53–73.
41. Ryzhova N. The Failure of the "Soybean Revolution" in the USSR // *Ab Imperio*. 2022. № 1. P. 191–222.
42. Scott J.C. *Seeing like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven, Conn.: Yale Un-ty Press, 1999. 464 p.
43. Scott J.C. *The art of not being governed: an anarchist history of upland Southeast Asia*. New Haven: Yale Un-ty Press, 2009. 442 p.
44. Scott J.C. *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven: Yale Un-ty Press, 1977. 254 p.
45. Scott J.C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven: Yale Un-ty Press, 1987. 392 p.
46. Shneiderman S. Are the Central Himalayas in Zomia? Some scholarly and political considerations across time and space // *Journal of Global History*. 2010. № 2 (5). P. 289–312.
47. Sorokina T. Liquor and Opium: Joint Efforts to Control Contraband Along the Russia–China Border at the Beginning of the Twentieth Century // *Inner Asia*. 2014. № 1 (16). P. 139–151.
48. Subrahmanyam S. The View from the Top // *London Review of Books*. 2010. № 32 (23). URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v32/n23/sanjay-subrahmanyam/the-view-from-the-top>. (accessed 04.07.2023.).

Информация об авторе

Наталья Петровна Рыжова, д-р экон. наук, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия; ведущий научный сотрудник кафедры Азиатских исследований Университета Палацкого, г. Оломоуц, Чехия, e-mail: n.p.ryzhova@gmail.com

Information about the author

Natalia P. Ryzhova, Doctor of Economics, Head of the Primorsky Laboratory for Economic Development and Cooperation, Institute for Economic Research, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia; Leading Research Fellow, Department of Asian Studies, Palacký University, Olomouc, Czech Republic, e-mail: n.p.ryzhova@gmail.com

Поступила в редакцию 24.07.2023

Одобрена после рецензирования 20.08.2023

Принята к публикации 24.08.2023

Received 24.07.2023

Approved 20.08.2023

Accepted 24.08.2023